

Киршон Владимир Михайлович

Суд

Пьеса в 8 картинах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Михайлович К.**
Суд: Пьеса в 8 картинах / Киршон Владимир Михайлович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 96 с.

ISBN 978-5-519-89182-0

ISBN 978-5-519-89182-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната в квартире Маурера. Второй этаж. Два окна на улицу. Три двери — в спальню, в кухню и выходная. Посреди комнаты стол, на столе лежит сверток, обернутый в бумагу. У стены — буфет, диван, пианино, радиоаппарат, стулья. На стенах картины и тарелки. На окнах легкие занавеси. Левая стена почти пустая. Стены белые. Образцовый порядок.

Весна. Четыре часа дня. Солнце заглядывает в комнату, и стекло в буфете сверкает. Хильда готовит отцу обед. Она вынимает из буфета погуду, выходит на кухню, возвращаясь оттуда с едой. Все это делает, поглядывая на Эриха. Она напевает мотив колыбельной песенки, лишь изредка звучат слова: «И звезды блещут...» «ангел на небе...» «крепко усни...»

Эрих стоит у окна спиной к зрителям. Он постукивает по стеклу в такт песне, украдкой оглядываясь на Хильду. Он замечает кого-то на улице, машет рукой, приветствуя, потом совсем наклоняется через подоконник. С улицы слышен обрывок фразы: «...ты, кажется...» потом что-то неразборчивое и женский смех. Хильда подбегает ко второму окну и смотрит, спрятавшись за занавеску.

Эрих. Да, да! *(Тоже смеется, выпрямляется и оглядываясь встречается глазами с Хильдой).*

Хильда. Может быть, ты мог бы, когда ты у меня, забыть о своих приятельницах?

Эрих. Да ведь ты же не хочешь со мной разговаривать!

Хильда. Ты не хочешь.

Эрих. Но, Хильда...

Хильда. Довольно, я с тобой не разговариваю.

Эрих. Но, Хильдхен...

Хильда. Нет, не проси.

Эрих. Это глупое упрямство...

Хильда. Ах, глупое! Ну, больше я не хочу слушать.

Эрих. Что же — уйти?

Хильда *(молчит)*.

Эрих. Но пойми же, Хильдхен...

Хильда. Я не хочу понимать. Ты должен выбрать — или я, или это *(хватает со стола сверток)*.

Эрих. Я уже выбрал.

Хильда *(молчит, ожидая)*.

Эрих. И то, и другое.

Хильда. Нет, или — или. И, наконец, это нечестно — так обманывать старика.

Эрих. Старик тут не при чем. Пойми, сегодня ночью это должно быть расклеено. Я тебе говорю — это здорово написано! Ты понимаешь, они не могут сговориться в палате и хотят, чтобы весь город выбирал бургомистра. А мы пишем... Если хочешь, я даже могу прочесть тебе.

Хильда. Нет, нет! *(Не отдает сверток)*.

Эрих. Вот видишь, ты никогда не слушаешь. Если б я мог у кого-нибудь другого спрятать, я бы не пришел. Ведь это не займет много места, а вечером я посвищу тебе.

Хильда. Ты посвистишь им. *(Трясет сверток)*.

Эрих. Что?

Хильда. Ты придешь к ним *(снова)*, ты посвистишь им *(опять)* и ты уйдешь с ними. А где тут место для меня? Я бы очень хотела, чтобы кто-нибудь посвистал мне у моего окошка.

Клаус *(входя)*. Если хороший обед, я первый готов это сделать, дочка. *(Садится на стул у входа и переодевает ботинки на мягкие туфли)*. Когда я ухаживал за твоей матерью, я собирал своих друзей, и мы пели у нее под окном самые чудесные песни. Ну, это было другое время. Сейчас все это иначе, совсем иначе. *(Эриху, который делает невозможные гримасы Хильде, убеждая ее)*

спрятать сверток). Что с тобой? *(Здоровается с Эрихом. Хильде, кивнув на сверток).* Что это?

Эрих. Это...

Хильда. Это ноты. Он мне принес. *(Кладет сверток на пианино).* Обед готов, отец!

Клаус. Ноты? Что за ноты принес тебе этот юноша? *(Проходит в комнату, переодевается, потом идет в ванную, моется. Слышно, как он плескается и фыркает. Говорит оттуда. Все это время идет мимическая игра между Эрихом и Хильдой: Эрих просит убрать сверток, Хильда не обращает на него внимания).* Юноша, ты пообедаешь? Хильда, поставь ему прибор! Уже поставила? Жаркий денек. Попотел я сегодня. Ух, хорошо! Вот! Ух! Ах, вода, вода, — чудесная сила! Что, юноша?

Эрих. Я ничего не сказал.

Клаус *(выходит)*. А, не сказал — и хорошо. Во всяком случае лучше, чем когда скажешь что-нибудь. Ну, ну, не сердись, давай обедать. *(Хильде)*. Ты сегодня не в духе, дочка?

Хильда. Я целый день занята политикой.

Эрих. Хильда!..

Клаус. Политикой? Юноша ведет пропаганду. Я выгоню тебя однажды со всей твоей болтовней. Ей-богу, эти молодцы ухаживают за девушкой не для того, чтоб заключить с ней союз и составить партию, а чтобы включить ее в союз или партию. Впрочем, ты сама виновата. Ты идешь по пути Берты, что я могу сделать? Кстати, о политике. Кто ко мне придет сегодня?

Хильда. Рудольф?

Клаус. Какой там Рудольф!

Эрих. Ну...

Клаус. Господин доктор Зольдтке.

Эрих. Зольдтке? Редактор?

Клаус. Именно. Чтоб предупредить меня, он

прислал специального курьера на завод. Это было важно.

Эрих. Что ему нужно?

Клаус. Ты, кажется, не понял меня, парень. Он придет ко мне, а не к тебе.

Эрих. Что ему нужно от вас?

Клаус. Ну, это касается только нас с ним. (Хильде). Оставь кофе на столе, дочка. Теперь ты можешь сыграть и спеть нам. Вот! А мы с юношей покурим. Так что за ноги принеся твой любопытный друг? Уж не марши ли? Чертовски любит наша молодежь военную музыку. Это оттого, что они не нюхали войны.

Эрих (торопливо). Я хотел бы поговорить с вами, Клаус. И потом Хильда говорила мне, что она не хочет петь сегодня, у нее руки болят.

Клаус. Что? Она разве поет руками?

Эрих. То-есть, пальцы. Она обожгла.

Клаус. Ты совсем заговорился, парень. Вы, видно, хотите петь свою песенку вдвоем. А старика по-боку? Споешь, дочка?

Хильда. Я... ты разве не ляжешь отдохнуть, отец?

Клаус. Так и есть. Вот она уже заботится о моем сне. Ну, дай хоть посмотрю ноты. (Приподнимается).

Эрих. Нет, нет... Она поет.

Хильда. Я спою, отец.

Клаус. Вот и прекрасно! Ну, ну, послушаем!

Хильда (развертывает сверток, берет два листка, ставит их на пюпитр). Это... ну, ты наверное слышал, отец... Это колыбельная.

Клаус. Колыбельная! Малый принес тебе колыбельные песни? Чудеса!

Хильда (поет):

Месяц сверкает

И звезды блещут,

Ветер вздыхает
И тучки легят.
Ангел с свирелью
По небу летит.
Нежною трелью
Песня звучит.

Спи, моя крошка,
Крепко усни.
Всходят в окошко
Сладкие сны.

Клаус. Ловко! Ай да Эрих! Вот, если бы ты вместо того, чтобы вести свою пропаганду, почаще приносил девушке такие песенки, дело бы пошло на лад. Ну-ка, что у тебя там еще? (Звонок). А, вот! Я сам открою. Деги, в комнату! Или идите гулять, еще лучше. (Выходит торопливо).

Эрих (подскакивая к пианино, хватая свертки и листки). Скорей, скорей! Ты молодец! (Бежит в спальню).

Хильда (вслед). Прижми их к сердцу, свои листки. (Закрывает крышку и тоже выходит).

Клаус (входит к Зольдтке). Дайте вашу шляпу, господин доктор. Пожалуйста, вот кресло. Кофе?

Зольдтке. Спасибо! (Садится). Клаус Мафрер, на этих выборах партия хочет выставить твою кандидатуру в бургомистры.

Клаус (молчит, пораженный).

Зольдтке. Партия знает тебя давно. Ты достоин ее доверия. Ты достоин лучшей жизни, чем та, которой ты живешь, Клаус.

Клаус. Как же это?.. Смогу ли я?

Зольдтке. Да, да, ты справишься. Ты не младенец, Клаус, и хороший хозяин. Тот, кто устраивает свою жизнь, сумеет устроить и жизнь общества. Ты — честный трудовой муравей. Справедливость требует твоего возвышения.

К л а у с. Но управлять всем городом, и финансы...

З о л ь д т к е. Господин Кох, теперешний бургомистр, согласился остаться твоим помощником. Он направит тебя.

К л а у с. Господин Кох — моим помощником? Это невозможно!

З о л ь д т к е. Это возможно, если я тебе говорю.

К л а у с. ...Если вы говорите. Но почему же сам доктор Кох не останется? Ведь это наша гордость, господин Кох. У нас говорят: «Кох — это государственный ум».

З о л ь д т к е. Да потому, что его не выберут. Надо реальней смотреть на вещи, Клаус. Надо реальней смотреть на вещи. Сам бог не может накормить всех, не может и бургомистр. Но бога переизбрать нельзя, а бургомистра можно. Голодных стало больше, голодные — плохие политики.

К л а у с. Но могут не выбрать и меня.

З о л ь д т к е. А, нет! Ты — другое дело. Ты знаешь нужду и знаешь нуждающихся. Выставляя тебя, мы скажем: «Вот ваш Маурер, который будет строить вашу жизнь. Станем выше партий — выберем человека».

К л а у с. Да, да! Ах, как много мыслей, господин Зольдтке. Никогда еще у меня не было столько мыслей сразу. Клаус — бургомистр. И, значит, моя Хильда... Нет, нет, не об этом... А вы знаете, господин Зольдтке, ведь я сумею помочь безработным. Я много думал над этим. Я знаю, что им нужно. Все можно сделать очень просто, без программ и без статей в газетах. Конечно, господин Зольдтке, я имею в виду их газеты. И я улучшу жизнь в поселках. Вы знаете, господин Зольдтке, там надо...

З о л ь д т к е. Вот, вот! Ты все это расскажешь выборщикам, Клаус. Придется поработать перед

выборами. Тебе нужно будет походить по домам и баракам, нужно завести много знакомств, нужно много говорить, не бойся обещать...

Клаус. Но я не буду говорить неправду.

Зольдтке. Зачем неправду? Но, видишь ли, выборы — это такое время, когда цветы должны распускаться. Украшай свою речь, не обещай определенно, но и не отказывай решительно. Тебя будут выбирать и католик, и протестант, и лавочник, и покупатель. Не отпугивай никого — в этом секрет победы.

Клаус. Я пойду по всем баракам и я скажу им...

Зольдтке. Да, да! Ты возьмешь списки безработных в кассах. Я велю дать тебе все сведения и адреса. Очень хорошо, если ты придешь и сразу назовешь человека по имени, сумеешь поговорить о его семье, детях и тому подобное. Тебе надо будет также и помочь кое-кому лично, понимаешь, лично. Ты получишь деньги для этой цели. Вообще ты получишь деньги. Я уже говорил с администрацией, тебе дают безденежный отпуск, но из выборного фонда мы оплатим твоё жалованье. Завтра ты уже не пойдешь на завод.

Клаус. Уже завтра...

Зольдтке. Да, да! И завтра ты начнешь свою борьбу. Я совсем забыл сказать тебе: тут есть еще одно обстоятельство. Но я уверен, что ты не обратишь на него внимания.

Клаус. Обстоятельство?

Зольдтке. Дело в том, что коммунисты выставляют кандидатом Рудольфа... Да, да, мужа твоей дочери. Смешное совпадение.

Клаус. Вот как, Рудольфа?..

Зольдтке. Ну, не может же это смутить тебя!

Клаус. Смутить — нет, но...

Зольдтке. Конечно нет. И ты должен знать, Маурер, что борьба есть борьба, и может быть ты услышишь много нехорошего про себя. О! Они нацеляют в тебя свои стрелы, налитые ядом. Твои достоинства они превратят в пороки, твои недостатки в преступления, твою честь — в бесчестье. Они все, а твои дети в особенности, я не говорю о Хильде, Клаус... Кстати, где Хильда? *(Клаус машинально указывает рукой на дверь, напряженно слушая редактора)*. А!.. Я говорю о Берте и Рудольфе. Они хотели бы, чтобы ты, как король Лир, слепой и раздетый, искал пристанища. Гордо стой, Клаус! Гордо, как все мы! И если ты, в свою очередь, услышишь про Рудольфа что-либо не вполне хорошее, что может быть тебе самому еще не известно, не говори — нет!

Клаус. Я не могу лгать о Рудольфе.

Зольдтке. Кто говорит тебе о лжи? Ты не имеешь права лгать. Но обойди этот вопрос. Ответь на него холодным молчанием, стань выше всякой клеветы. *(Встает)*. Ну, ну, я верю в тебя, Клаус! Ты сам все знаешь. Я верю! Моя дверь для тебя всегда открыта. Завтра к тебе придет фотограф. Добрый день! *(Уходит)*.

Клаус провожает его вниз. Комната остается пустой.

Внизу хлопает дверь. Клаус входит.

Идет, разговаривая, не видя ничего вокруг.

Клаус. Ага! Завтра ко мне придет фотограф. Здравствуйте, господин фотограф! Да, да, это я — Клаус Маурер. Это меня надо снять: Вот! Да, да, я достоин этого доверия. Но это я уже не ему скажу, это я скажу... Хильда! Хильда!

Хильда *(выскакивает, испуганная, за ней Эрих)*. Отец, я здесь. Что с тобой?

Клаус. Хильда, дочка, я буду бургомистром. Зольдтке сказал, что меня выставляют, он сказал...

Эрих. Вас, вас они выставляют?

Клаус. А тебе это не нравится? Дочка, он сказал: «Ты заслуживаешь лучшей жизни, чем та, которой ты живешь, Клаус!» И мы будем с тобой жить в доме бургомистра, около ратуши. У тебя будет своя отдельная комната. Нет, нет, что я говорю, у тебя будут три комнаты с окнами в сад!

Эрих. И вы не отказались...

Клаус. Ага, ты уже начинаешь! Вы уже готовы выпустить когти. Нет, бойкие молодые люди, крикливое поколение, я не отказался! Я научу вас строить жизнь! Что такое народ? Это мы сами. Если каждый научится строить свою жизнь и заботиться о себе, всем будет хорошо.

Эрих. А Рудольф говорит: «Если каждый, будет заботиться обо всех, ему самому будет хорошо».

Клаус. Мне дела нет до твоего... Да, вы его выставляете?

Эрих. Да! Хильда, отчего ты не скажешь отцу, что он не должен соглашаться?

Хильда. Почему же, почему же я должна это сказать?

Эрих. Ах, ты не знаешь? Нет, ты знаешь, но ты не хочешь, ты не можешь сказать. Потому что дом возле ратуши просторен, потому что окна выходят в сад, потому что около каждого окна будут стоять чистенькие мальчишки и назвистывать для тебя песенки. А мне далеко до ратуши, я живу в поселке. Прощай! *(Выбегает, но сейчас же возвращается)*. Дай мне мои ноги!

Хильда. Ты ведь хотел зайти вечером?

Эрих. А теперь вот хочу взять сейчас.

Хильда. Эрих, ну, я очень, очень прошу, взять их вечером.

Эрих *(колеблясь)*. Ладно. Но это все равно ничего не изменит. *(Уходит)*.

Клаус. Вот! Он уже забирает обратно подарок.

Хильда. Ах, нет, отец, совсем нет! (*Вдруг садится и плачет*).

Клаус. Хильдхен, дочка! Что они делают с моими детьми, эти ребята! Не плачь, Хильдхен, будь гордой, как твой отец. Мы еще покажем им. Ты увидишь, когда меня выберут, я скажу свое слово. Они сами, самые честные из них, хотя бы Рудольф и Эрих, придут и скажут: «Э, Клаус, ты справился не хуже, чем у своего литья. Ты показываешь нам правильный путь, Клаус. А Эрих твой придет и скажет: «Прости мне, Хильдхен, тот день, когда я требовал от тебя неуважения к отцу, прости мне, что я хотел, чтобы ты поступила с ним, как с королем Лиром поступили его дети». А ты хлопнешь его по щеке и скажешь: «Ну, ну, то-то, мальчишка». Ты слушаешь меня, Хильдхен?...

Хильда (*сквозь слезы*). Да, да!..

ЗАНАВЕС